

После Нового года у них продолжается старый.
Снега нет. Ветра нет. День похож на футляр от гитары;
он слегка залоснился и замер в медвежьем углу.
Персонажи скучают. А что им ещё остаётся?
Головами качают. Включают подсветку эмоций.
Диалог состоит из «ага», «оого» и «угу».

Оого — это «сильно». Ага и угу — «как обычно».
Чёрно-белая фильма: субтитры, цензура, кавычки.
Это Мёбиус с лентой зашёл погостить и отжёл.
Персонажи, вставая, роняют слова и запчасти.
И под треск киноплёнки дрожат на клеёнке две чашки.
И под каждой из них образуется липкий кружок.

Начинается снег. Дышит в спину разбуженный ветер.
По экрану ползёт что-то среднее между медведем
и бастардом гориллы... Дублёр, задушив двойника,
говорит в микрофон о превратностях киноискусства.
После Нового года у них обостряются чувства,
но дождавшись финала, мы видим одни облака.

ОТРАЖЕНИЯ

Вот зеркало кривое для героя,
в котором отражаются сараи,
фабричный корпус, голова коровы,
локомотив под винными парами;
девятка бубен, круглые печати,
портал, ведущий в лавку скобяную;
любовница с борцовскими плечами,
похожая на бабу надувную.

Она стоит на кухне, подбоченясь,
жену напоминая, между прочим.
Выпячивает разом грудь и челюсть,
заканчивает фразу чем-то очень
фольклорным — это эвфемизм, конечно.
Она сама, что зеркало кривое,
в котором отражается колечко
с фальшивым изумрудом, теневое
правительство из давешней брошюры,
крестовый туз, гусиная печёнка;
веснушчатые руки дяди Шуры —
она тогда совсем была девчонкой...

Имея дело с пресловутым дядей,
любителем нимфеток и покушать,
глаза отводит в сторону читатель
и затыкает вянушие уши,
соскальзывая в зеркало кривое
(как выбраться из текста ни старался),
где тычется во что-то неживое,
заполнившее время и пространство.

Летиция маневренною птицею
летит во сне над городом фарфоровым.
И чудо-город машет ей, Летиции,
зелёными руками-светофорами.
Когда-то светофоры были красными,
но всё течёт и, стало быть, меняется.
Летиция над скоростными трассами,
над ледяной озёрной умывальницей;
над лесопарком включенным искрящимся,
над садом обезноженным заснеженным...
Летиция, похожая на ящера,
наполненного воздухом разреженным.
Она летит и в самую нелётную,
в густой пурге, над океаном Времени.
Вот только воздух обжигает лёгкие,
дырявит их невидимыми дрелями.
А где-то там, внизу, в больничном корпусе
выходит врач из кабинета-ящика
и видит, как сидит на стуле, сгорбившись,
мать пациентки, превращённой в ящера.
Врач говорит: «Надежд на излечение...»
Тушуетя, буксует в сослагательном.
И мать даёт добро на отключение
от аппарата, ставшего летательным.

***

Снег под руку с дождём идёт по голым паркам.
Качают тополя незримых грудничков.
Унылая пора, слепая санитарка:
ни пуха, ни пера за стёклами очков.
Ни пуха, ни пера, ни ясности, ни цели.
И это хорошо, что цели не ясны;
что вот она — зима, в чьём ледяном лице я
читаю приговор, досматривая сны
чужие, ну и что, мне нравятся чужие —
в них неудобно жить, но умирать легко;
здесь тот же мокрый снег, глаза его большие,
текущие дождём сквозь пальцы двойников.
Я наугад войду в один из снов вакантных
и встречу двойника с дождём наперевес.
Он выдохнет, вдохнёт и скажет, вероятно,
что весь я не умру, но я хотел бы — весь.